

Vestimentum urbem

Гляди на этот мир из-под рубцов мохера,
Покуда холодов кольчужное ярмо
Не высветлит зенит и пальцы инженера
Из шпилек и волос не выстроят домов.

Трамвайные пути влиянию вельвета
Тобой подчинены, и улиц разнбой,
Бордюров суета, гудение проспектов –
Ложатся на бедро вельветовой волной.

И тонкое х/б, запомнившее формы,
Немыслимые днём, наброшены плеча
На реку и вокзал, на правила и нормы,
На то, что я во сне увидел сгоряча.

Ленишься не вольна, ты лён кипенный скинешь,
Ни птичьи голоса, ни зелень не тая;
Но хлопок – как хлопок: застынь! и ты застынешь,
И обовьёт подол танцующую явь.

А мир глядит на нас и видит нас – от пяток,
Закованных в кожзам, до пробковых платформ.
...Сегодня ты пришла в прохладном двадцать пятом
И греешься в моём почти сороковом.

* * *

...Вот и расправь постель своему безумью.
Город от снегопада совсем седой.
Ночью, такой пустой и такой безлунной,
Соль в крови с морской говорит водой.

Мыслящий натрий-хлор, слёзы вкуса лайма,
Сгусток имён, чья азбука – тишина,
Четверть-, полу-, полуторапроницаем
Для трансмембранных нежности и вина.

Быть сверхгорячим льдом, ледяною лавой,
Кашлять тяжёлыми лёгкими городов –
Но никогда не сумеь разучиться плавать,
Не разлюбить кошачьих ночных зрачков.

Или предать теплокровных в канун субботы?
Кануть в анналы мира, свернуться в трей.
Вестью благой от Иуды Прокариота
Тихо висеть в серебре соляных морей.

Врата Расёмон

Перед желанием выжить бессильна жизнь,
Только намерен гикнуться в одночасье –
Вздёрнут за шкурку с рывком «а ну держись!»
Соевым соусом вымазанные хаси.
Так и живём, цепляясь за каждый вдох,
Божья еда иль так, дунадан на лыжах.
Только, пока рефери сосчитал до трёх,
Путник прошёл врата Расёмон. И выжил.

Перед желанием пыли чужих дорог
Даже любовь не кажется хеппи-эндом.
И путеводный рисовый колобок
Мается по углам одиночки-бэнто.
Что-то опять плюётся в тебя с небес,
Балуется, врубая в душе тревогу.
Левую створку когда-то пометил бес.
Путник прошёл врата Расёмон – в дорогу!

Перед желанием выпить бессильно всё,
Выпилить этот неостановимый Пейсах.
К пьяным поэтам ходит во сне Басё
И наливает настойки на эдельвейсах.

Полная тыква, и чаши – конечно, две!
Персиковой долиной предстанет Припять.
Тихо лелея музыку в голове,
Путник прошёл. Ну как за него не выпить!

Перед желанием резать словами сталь
Каждый предлог становится необъятен.
Топай в дорогу, опустошай хрусталь,
Руки отмой от подлых чернильных пятен.
...Бес увязался за караваном вдаль,
Левая створка повязана чьим-то оби.
Выбора нет. Безумие и печаль.
Я пересёк врата Расёмон. Тандзё би.

Монолог пули

Ты спишь, мой милый? Спишь. А я не сплю.
Пусть неподвижна – я всегда при деле
И жду, покуда нервы на пределе
Не перейдут предела. К январю,
А лучше к маю, неуёмный мой,
Погаснет слово, выдохнется водка,
И слаще, чем девчоночья походка,
Покажется моя по винтовой.
На резкость наведи рабочий глаз,
Сквозь ковролин коснись сырого тела
Земли. Ах, да, ты спишь. А я хотела
Уже начать. Но – позже. Не сейчас.
Сейчас тебе приснится лебеда
На серо-жёлтых пустошах у моря,
Тропа; и ты пойдёшь по ней, не споря,
От пустоты немея, как всегда.

И сон не в руку, а почти в висок.
Мой каламбур на скорости в пять сотен
Почти неуловим, почти бесплотен –
Но тронула улыбка уголок
Сухого рта, и пальцы напряглись.
Ах, милый, пригласи меня присниться!
Нет проще ничего – взметни ресницы,
Влюбись в меня и прошепчи: «Приснись».
...Нет, слишком рано. Ты ещё спешишь
В полурассвете к зыбкой литорали
И в то же время где-то на Урале
Речные раздвигаешь камыши.
И мир глубок, и в этой глубине
Тебя целуют сладко вечерами.
...Но ты проснёшься с мокрыми глазами.
И будешь думать. Будешь. Обо мне.

* * *

Обещают тепло; а душа истончилась от льда.
Обещают дожди; а метели не бросили плясок.
Я по имени звал обладателя солнечных красок –
Он пришёл; не ко мне, и не вовремя, и не туда.
Где-то алым цветёт и сиреневым вянет рассвет,
Где-то руки с мороза протягивают над углями,
И шальной подалирий вдоль моря летит над полями,
Разрешая извечный вопрос: убежать или нет.
Полоротое время давно упустило мою
Ненаглядную тень; и фантомная боль прошивает
Рану тени. Но – знашь ли? – раны теней заживают,
И моя за меня доживёт, и пребудет в раю.
Обещали судьбу; а пришло красноречие льдин,
Пустоты и сугробов, речной промороженной глади.
И снега неважны – я не столько выхаживал ради
Ожиданья, смятенья и тихого слова «приди...»

А дорога капризною кошкой прогнулась, легла –
Рукавицы потеряны, две сигареты в кармане –
Но зачем-то поют небеса, и в итоге скитаний
Обещают тепло. Нужно только дожить до тепла.

* * *

Navigare necesse! Скорей занимайте места,
Мы уходим в туман через десять минут после бала.
Поверяют компас; и волна голубого холста,
Словно милая Эос, от сна и чудовищ восстав,
Развернёт чудеса и поймаёт порыв с перевала.

Размыкайте объятия! Плывущему светит звезда,
Остающимся – книга и грог, суховея на закате.
И, молитва о муже и сыне, о тех, кто устал
Разгонять миражи, освящая чужие места,
Чтоб был милостив Бог – но оставьте Его, бога ради.

Вот кильватерный след – в нём косицей плетётся вода,
Вот смеётся с небес твоя муза, лучистая Спика.

А идущие следом тебя не поймут никогда –
Даже твой затонувший рангоут найдя в неводах
И ...vivere non est... прочитав в основании гика.

Уроки алисского

(...Наверное, где-то. Сидя на
Когда-то. Чеширский сфинкс,
White Rabbit, Додо. Невидимо –
Алиса. Алиса speaks:)

...Два века сомкнулись – ниже
С двадцатым. Европа спит.
Sunset у неё – но лишнее
Кипит через край, стучит...
Часы уходящих по ночи
Пиликают каждый час.
Допелся один Семёнович –
Допишется Lutwidge Charles...

(Алиса чеширит котика,
С улыбки – вразнос, true war.
Трава цепенеет зонтиком,
Зовясь неспроста травой)

В роду моём, видно, читеры –
Накатана ловкость рук...
Додо мой! До дыр зачитана
Чудесная fairy book.
Но то, что из спальни маминой
Вдруг выбежало, смеясь, –
Наверное, позже правильно
Я understand... не сейчас.

(Алиса шагает поверху,
Не гнётся под ней трава.
Ни разу – спиною к Кролику,
Ни разу. Она права.)

...Скажу, чтобы сразу поняли:
Жги фазу, топчи экран!
Чеширский, Сапковский, Джонни ли –
Я дальше не в силах run.

Устала уже от бега я
В обход, через ford и бред –
И всё натыкаюсь, бедная,
На слонопотамов след...

(Алиса тревожит сотовый –
Вне зоны. Страна чудес!
Солёной женою лотовой
Котяра застыл окрест.)

Идея с крокеем – здорово –
На клюшках войдём одних!
Баронов sheer'асты головы –
Поди достучись до них.
Я долго была красива, но
Прекрасна и бренна плоть:
Нам нужен проход к Слезливому –
Манагера озаботь.
Э... ну – церемониймейстера...

(Алиса пошла фонить...
Обмётаны губы – клейстером
Пирог; она хочет пить,
Она не в себе.)

Уверена,
Что нужен теперь dress code:
Я думаю, в мэриэннином
Мне больше всего идёт.
И будем в метели складывать
Не «вечность», не что-то вне –
А что априори hide and wait
В расшатанном сердце... Мне...

(Алиса зачем-то падает
Со смехом. Темно в окне.
Но договорит. Она do it.)

...Мне всё интересно! Мне
Хотелось узнать в оффтопике:
Драконьи крыла у вас
По жизни не больно лёгкие?
Серьёзно?.. – Алиса ask...